

На правах рукописи

БАИШЕВА Аграфена Михайловна

**Жанровое своеобразие исторического романа Н. Лугинова
«По велению Чингисхана»
(сравнительно-типологический аспект)**

Специальность 10.01.02 – литература народов Российской Федерации
(якутская литература)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Якутск – 2016

Работа выполнена в секторе литературоведения ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и малочисленных народов Севера СО РАН»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Мыреева Анастасия Никитична

Официальные оппоненты: **Имихелова Светлана Степановна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Бурятский
государственный университет»,
профессор кафедры русской
и зарубежной литературы
Пермякова Туйара Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент
ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный
федеральный университет»,
доцент кафедры восточных языков и
страноведения

Ведущая организация: **ГБНИиОУ «Тувинский институт
гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований»**

Защита состоится « 16 » марта 2016 г. в часов на заседании диссертационного совета Д. 212.306.06 при ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» по адресу: 677010, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, СВФУ, Главный корпус, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» и на сайте университета www.s-vfu.ru.

Автореферат разослан _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Окорокова В. Б.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования и степень изученности.

Интерес к исторической романистике существовал всегда, но особую значимость это внимание приобретает в контексте сравнительного изучения жанров в литературоведении. Исторический роман, ярко и самобытно проявляющий свои художественные особенности в национальных литературах, привлекает внимание многих исследователей. В якутской романистике художественное освоение исторической действительности началось с жанра историко-революционной прозы, представленной произведениями Эрилика Эристина «Марыкчанские ребята» (1942) и Амма Аччыгыйа «Весенняя пора» (1944). Исторические произведения В. Далана «Глухой Виллой» (1983) и «Тыгын Дархан» (1990) положили начало новому развитию национальной исторической романистики, обращенной к далекому прошлому, в которой значительное место занимает художественная трилогия Николая Лугинова «По велению Чингисхана».

Появление исторического романа Н. Лугинова стало заметным событием в современной литературе. В истории русской словесности и национальных литератур России к исторической фигуре монгольского завоевателя обращались различные мастера художественного слова. Произведение Лугинова определенным образом продолжает «чингисиаду» в русской и тюркоязычных литературах. Трилогия о Чингисхане была опубликована в 1998 г. на якутском языке, чуть позже книга была переведена А. Карповым на русский язык. На примере подобного содержательного предпочтения мы можем наблюдать определенное художественно-эстетическое «пограничье», когда к разработке одной темы обращаются представители различных этнических культур. Исследование жанрового своеобразия произведения Н. Лугинова «По велению Чингисхана» позволяет выявить не только его специфику, но и, косвенно, охарактеризовать динамику национального, и, шире, общероссийского литературного процесса. И хотя проблемы якутской исторической прозы в

последние десятилетия находятся в поле исследовательских интересов, все же некоторые научные аспекты остаются недостаточно разработанными.

Актуальность работы определяется тем, что целостного исследования жанровой специфики исторического произведения Н. Лугинова не проводилось, также остаются малоизученными вопросы этнонационального восприятия прошлого, при этом проблема типологии жанра трилогии «По велению Чингисхана» решается в ракурсе более детальной дифференциации исторического жанра в ряду эпической прозы.

Поскольку, жанровая типология романа Н. Лугинова оформляется в контексте предшествующей литературной традиции, культурного диалога, творческого освоения; включением якутского исторического романа в единый процесс российского жанрового развития, и (учитывая тот факт, что для широкого круга читателей роман больше известен в переводе, и именно его российская критика отмечает как определенное явление в литературной жизни страны), в исследовании мы анализируем главным образом этот вариант. В своей работе мы опираемся также на постулат, что «переводное произведение в качестве системы эстетических ценностей живет в инонациональном окружении своей собственной жизнью...».¹ Сравнительно-типологический аспект рассмотрения жанровой специфики данного произведения имеет важное значение в контексте расширения общекультурных связей, исследования национально своеобразного восприятия прошедших событий и фактов, общей эволюции исторического жанра.

Научно-исследовательский пласт, посвященный историческому жанру, достаточно обширен, в историографии вопроса можно выделить два основных направления, когда в центре внимания исследователей оказывается зарубежный исторический роман и отечественные историко-художественные произведения. Значительный вклад в теорию жанра и поэтики исторической романистики внесли труды Г. Лукача, А. Г. Баканова, А. А. Долинина, Б. Г. Реизова; работы В. Д. Оскоцкого, С. М. Петрова, Н. М. Щедриной, В. А. Юдина и др. раскрывают

¹Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. С. 134.

жанровую специфику этого внутри романного образования. В национальных литературах изучением исторического жанра занимаются Х. А. Ашрафзянов, В. А. Бигуаа, С. С. Имixelова, Н. М. Киндикова, З. А. Серебрякова, К. К. Султанов, Р. Ф. Хасанов и др.

В якутском литературоведении вопросы исторического жанра находят отражение в коллективных трудах «Литература Якутии на современном этапе. 1980-1990 годы» (2001), «Литература Якутии. XX век» (2005). Художественные особенности «По велению Чингисхана» рассматриваются Д. Е. Васильевой в ее монографии «О далеком прошлом и настоящем» (2008). В поле исследовательских интересов находится исторический роман в монографиях А. Н. Мыреевой «Литература и время» (2010), «Якутский роман 70 - 90-х годов XX века: традиции и новации» (2014). В связи с общими проблемами развития якутской крупной прозы последних десятилетий XX века в своих трудах трилогию «По велению Чингисхана» В. Б. Огорокова (2001) и З. К. Башарина (2013). Вопросам хронотопа исторического произведения Н. Лугинова уделяет внимание в своих статьях С. Е. Ноева (2007). В аспекте проблем межлитературных связей к якутской исторической прозе обращаются А. А. Бурцев (2004, 2014), А. М. Скрябина (2004).

Теоретическое решение данного вопроса связано с проблемой уточнения границ самого жанра, ведь в корпус исторической прозы исследователи включают разноплановые произведения, содержательно соотнесенные с темой прошлого. В теории литературы существуют разные точки зрения на жанровую природу исторического романа. Так, Г. Лукач не видит причин для обособления историко-художественных произведений в отдельную группу. Другой теоретической позиции придерживаются А. Г. Баканов, Р. Ф. Хасанов, Н. Н. Старикова, полагающие, что исторический роман можно рассматривать как самостоятельное жанровое образование. Мы придерживаемся второго мнения, что исторический роман обладает своими, имманентными, признаками, позволяющими выделять его в отдельную жанровую группу, опираясь не только на проблемно-тематическую основу.

Вопросы типологии исторического романа, так или иначе, затрагиваются во всех исследованиях, при этом за основу берутся различные структурные признаки произведения. И. В. Скачков, отталкиваясь от субъектно-объектного построения эстетического целого, выделяет роман-биографию и роман-эпопею, где представлено широкое освещение общественно-исторических событий.² В зависимости от ключевого исторического конфликтного материала предлагает типологическую дифференциацию А. Г. Баканов, предлагая различать историко-социальный, историко-философский и историко-биографический романы.³ Иной принцип положен в классификацию Н. Е. Знаменской, сочетающей тематическое наполнение жанра с социологической составляющей, когда авантюрно-приключенческая и псевдоисторическая разновидности рассматриваются ею в рамках массовой литературы, где история может выступать как фон или в искаженном виде, а хроникально-документальный и историко-политический типы призваны правдиво воссоздать образ прошлого.⁴ Другие исследования направлены на построение типологии с актуализацией тематического наполнения, среди которых можно выделить исследование Р. Ф. Хасанова, рассматривающего исторические романы с позиций наличия вымысла и документализма, с построением классификации, в которой выделяются следующие основные типы: героико-романтический, социально-исторический, социально-психологический и историко-документальный романы.⁵ При этом все исследователи подчеркивают, что предлагаемые внутрижанровые разновидности носят условный характер, так как они не отражают в полной мере многогранность и синтетичность эстетического целого, связанного с исторической темой.

Объектом исследования является исторический роман-трилогия Н. Лугинова «По велению Чингисхана».

²Скачков И. В. Нравственные уроки истории. М.: Советский писатель, 1984. С. 195.

³Баканов А.Г. Современный зарубежный исторический роман. Киев: Выща школа, 1989. С. 40.

⁴Знаменская Н. Е. Исторический роман США // Современный роман: опыт исследования. М.: Наука, 1990. С. 156.

⁵Хасанов Р. Ф. Башкирский исторический роман: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.02. Уфа, 2005. 55 с.

При этом **предметом** исследования выступают жанровые особенности и сравнительная типология художественного произведения «По велению Чингисхана».

Цель исследования: выявление жанрового своеобразия романа-трилогии «По велению Чингисхана» в сравнительно-типологическом аспекте с опорой на предлагаемую жанровую модель исторического романа.

В соответствии с целью, объектом и предметом исследования поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать теоретические аспекты изучения жанра исторического романа в современном литературоведении;
- рассмотреть проблему историзма как основополагающее качество исторического жанра;
- исследовать пространственно-временные отношения, их роль в структуре исторических романов;
- выявить своеобразие сюжетно-композиционного построения, системы персонажей романа Н. Лугинова в сравнительном аспекте с произведением И. Калашникова;
- проанализировать исторические произведения о Чингисхане в аспекте национальной и индивидуально-авторской самобытности;
- выявить жанровую специфику исторического романа Н. Лугинова и его значение в системе жанровых исканий современной якутской прозы.

Методы исследования. В диссертационной работе использованы системный и целостный подходы, включающие историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-типологический и структурно-типологический методы, с элементами семиотического метода.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Теоретико-методологической основой исследования служат труды по теории сравнительного литературоведения Д. Дюришина, А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, И. Г. Неупокоевой; по теории и типологии романа М. М. Бахтина, Н. Т. Рымаря, И. П.

Смирнова, К. К. Султанова, Н. Д. Тамарченко, В. Е. Хализева, А. Я. Эсалнек; по поэтике и типологии исторического романа А. Г. Баканова, А. И. Пауткина, С. М. Петрова, В. А. Юдина и др.; структурно-типологические исследования М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Я. Малкиной, Б. А. Успенского и др.; труды по истории башкирской (Р. Н. Баимова, Р. Ф. Хасанова), татарской (Х. А. Ашрафзянова, Л. К. Хуснутдиновой), алтайской (Н. М. Киндиковой) и бурятской литератур XX века (С. С. Имихеловой, М. Н. Ломуновой и др.). Из якутских литературоведов - исследования Г. К. Боескорова, Д. Т. Бурцева, А. А. Бурцева, Д. Е. Васильевой, П. В. Максимовой, А. Н. Мыреевой, С. Е. Ноевой, В. Б. Огороковой, Ю. Г. Хазанкович и др.

Материалом исследования послужил роман-трилогия Н. Лугинова «По велению Чингисхана». Историческое произведение И. Калашникова «Жестокий век», объединенное с рассматриваемой трилогией центральной фигурой предводителя степных кочевников, средневековый монгольский памятник литературы «Сокровенное сказание монголов», историографические источники - «Сборник летописей» персидского летописца Рашид ад-Дина, исторические сведения Иоанна де Плано Карпини выступают в качестве вспомогательного сравнительного материала исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в якутском литературоведении предпринята попытка выявления жанровой специфики исторического романа Н. Лугинова в типологическом сопоставлении романских жанровых форм с произведением И. Калашникова «Жестокий век» посредством моделирования жанровой системы исторического романа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Для определения типологических свойств исторического романа необходимо учитывать доминирующую роль таких структурных компонентов жанра как историзм и хронотоп.
2. Исторический роман обладает более разветвленным хронотопическим комплексом, в структуре которого выделяются внетекстовый и сюжетный

хронотопы произведения, функционирующие, соответственно, на уровнях жанрообразования и жанроформирования жанровой модели исторического романа.

3. Исторические произведения Н. Лугинова и И. Калашникова, имеющие в своей основе единый фактографический источник «Сокровенное сказание монголов», обнаруживают значительные расхождения в сюжетно-композиционном построении и характерологии, обусловленные разностью этнопсихологических позиций и авторских подходов к освещению исторических событий.

4. В произведении Н. Лугинова, насыщенного мифологемами, архетипами, бинарными оппозициями, представлена парадигма неомифологизма.

5. Художественная картина исторической реальности создается якутским прозаиком посредством сложной жанровой формы, синтезирующей различные романские разновидности: психологической, мифопоэтической и философской.

6. Своеобразное использование художественных средств в структуре романа «По велению Чингисхана», включающих мифопоэтический арсенал, усложненный хронотопический комплекс исторического произведения, оказывает существенное влияние на семиотическое отображение исторической реальности, наполняя ее иной семантикой.

7. Жанровая специфика исторического произведения «По велению Чингисхана», во многом, обусловлена национальной ментальностью автора и этноэстетическим освоением действительности, имеющим генетические связи с якутским народным героическим эпосом.

Теоретическая ценность диссертации заключается в том, что в рамках проведенного исследования типология исторического романа изучается в ракурсе проблемного аспекта моделирования жанровой системы. В ходе анализа исследуется дефиниция историзма в эстетическом ракурсе, предлагается модель хронотопического комплекса исторического произведения, выделяются особенности его функционирования на различных уровнях жанровой системы исторического романа.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения результатов исследования в качестве теоретического и практического материала для изучения проблемы жанра исторического романа. Основные положения и выводы работы также могут быть использованы в преподавательской деятельности при изучении якутской литературы в высших и средних учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Рукопись диссертации обсуждалась на заседаниях сектора литературоведения Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Промежуточные и итоговые результаты исследования представлены на научно-практических конференциях: международной «Актуальные вопросы филологических наук» (Чита, 2011), всероссийской научной конференции «Единство многообразия. Литература Якутии в контексте диалога культур» (Якутск, июнь 2015), всероссийской «Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании» (Москва, 2007), республиканской «Гуманитарные науки в начале XXI века» (Якутск, 2006), республиканской «Русское слово и словесность» (Якутск, 2006). По материалам работы опубликовано 8 статей, из них 3 в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ (Филологические науки. Вопросы теории и практики (2014), Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки (2014), European Social Science Journal (2014)).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, приложений. Общий объем работы составляет 171 страницу, из них основной текст – 146 страниц. Список использованной литературы включает 252 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, степень изученности, научная новизна, обозначаются объект, предмет, методы исследования, формулируются ее цель, задачи, гипотеза, указываются теоретико-методологическая основа, теоретическая и практическая значимость, излагаются

основные положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации, структуре и объеме диссертации.

Первая глава «Теоретические аспекты изучения жанра исторического романа в современном литературоведении» состоит из трех разделов, посвященных основным аспектам теории жанра исторического романа, анализу его жанровых доминант – историзма и хронотопа.

Раздел 1.1. «Исторический роман как литературное явление» освещает вопросы, связанные с жанровой сущностью исторического романа, на основе трудов ученых-литературоведов, развивавших теорию жанра. Во многих работах, посвященных возникновению, эволюции и функционированию исторического романа в социокультурной сфере, отмечается аспект определенных затруднений в области уточнения его жанровой природы. Это объясняется дихотомичным положением исторического романа на стыке двух ментальных областей - литературы и истории, так и дискуссионностью самого понятия «жанр». Неоднозначность понятия «жанра» наглядно демонстрирует В. М. Головкин в своей книге «Историческая поэтика русской классической повести» (2010), этот же момент отмечается Н. Д. Тмарченко (2012), объясняющего терминологические затруднения исторической изменчивостью самого объекта изучения. При решении вопроса типологии жанра значимы теоретические положения о герменевтической природе жанра В. М. Головкин (2010) и воззрения В. А. Лукова о «жанровой генерализации» (2003). Последний считает, что необходимо учитывать не только характеристики произведения, т.е. его содержание, форму или их единство, но необходимо принимать во внимание взаимоотношения между тем, кто создает произведение искусства, и тем, кто его воспринимает, т.е. смещает акцент на активную роль читателя.

В отечественном литературоведении вопросами разработки теории жанра занимались различные исследователи («формальная школа», «социологическая школа», исследователи герменевтического направления). Из всего многообразия методологических позиций можно условно выделить две основные тенденции,

предлагающие решать вопрос о жанре в системно-структурном разрезе (в отечественном литературоведении эту трактовку разрабатывали Ю. Н. Тынянов, М. С. Каган, Г. Н. Пospelов и т.д., в зарубежной теории литературы подобного подхода придерживаются Р. Уэллек и О. Уоррен) и коммуникативном (исследования М. М. Бахтина; историко-теоретический подход в генологии, разрабатываемый В. А. Луковым; герменевтический взгляд на жанровую типологию, представленную в трудах В. М. Головки). Выявление жанровой модификации произведений в сравнительном ракурсе подводит нас к выделению жанровых доминант в структуре самого исторического романа, общего жанрового наполнения, «памяти жанра», которая позволяет удерживать разноплановые исторические произведения в рамках жанровой системы и динамических изменений, вызывающих жанровые модификации.

Исходя из сложности и многозначности оперируемых понятий жанра и историзма, учитывая тот факт, что существует несколько плоскостей жанровой дифференциации возможно типологическое сопоставление исторических романов, основываясь на взглядах исследователей на жанр, как систему, внутри которой выделяются уровни жанрообуславливания, жанроформирования и жанрообразования. Подобная модель жанрового анализа в некоторой мере согласуется с высказыванием А. Я. Эсалнек, трактующей жанр, как «целостное образование, в котором... диалектически взаимодействуют специфическое содержательное начало и различные типы словесно-композиционных систем».⁶ Н. Лейдерман в своей книге «Теория жанра» (2010), рассматривая художественное произведение как «многослойную знаковую систему», выделяет в ней два уровня – собственно языковой, грамматический и слой художественной системы, включающий, по его мнению, миромоделирование, виртуально-предметную и мифологическую подсистемы. Системный взгляд на жанр представлен в работе М. С. Кагана «Морфология искусства» (1972), предлагающего следующие плоскости членения: знаковую, познавательную, аксиологическую и преобразовательную.

⁶Эсалнек А. Я. Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты). М.: Изд-во МГУ, 1991. 159 с.

Несколько иную трактовку жанра дает Н. Ф. Копыстьянская (1987), тоже выделяющая несколько областей в жанровой структуре, но акцентирующая внимание на дихотомии устойчивости – изменчивости.

В этом аспекте можно найти общее с разработками В. М. Головки, исследующего жанр с герменевтических позиций, и предлагающего проводить анализ жанровой системы с учетом различных структурных средств и компонентов, включенных в общую целостность жанра. В предлагаемой им системе выделяются «архитектонически устойчивое», проявляемое на уровне жанрообуславливающих факторов и «динамически живое», находящее свое отражение посредством жанроформирующих и жанрообразующих факторов и средств в структуре эстетического целого.

Исходя из такой позиции, на наш взгляд, возможно выявление жанровых особенностей исторического романа Н. Лугинова «По велению Чингисхана» с учетом уровней жанровой целостности. В этом плане, в первую очередь, рассматривалась романная структура, включающая в себя, по мнению литературоведа А. Я. Эсалнек, три компонента – личность, микросреда, среда. Этот уровень жанровой семиотической системы соответствует, по нашему мнению, «архаике жанра», по терминологии М. М. Бахтина, а в структуре, предлагаемой В. М. Головки, соотносится с уровнем жанрообуславливания, где доминирующим фактором является тип взаимоотношений человека с окружающим его миром, действительностью.

Теоретические категории историзма и хронотопа, как доминирующие компоненты в любом повествовании, связанном с темой прошлого, рассматриваются на уровне жанроформирующих и жанрообразующих факторов и средств. Это те структурные элементы, которые позволяют относить рассматриваемое произведение к историческому жанру. Данный уровень жанровой модели позволяет наблюдать жанровые изменения или трансформации эстетического целого.

В разделе 1.2. «Эстетическое преломление категорий «историзма» и «хронотопа» в жанре исторического романа» рассматриваются вопросы художественного проявления доминирующего жанрового компонента – историзма и функциональной роли хронотопа в структуре исторических произведений. Многие исследователи теории исторического романа единодушны во мнении, что историзм является одним из главных критериев определения сущности жанра. Многозначность понятия «историзм», как отмечает В. Я. Малкина в своем исследовании «Поэтика исторического романа» (2001), вызывает некоторую сложность в определении жанровой структуры исторического романа. Этот же проблемный аспект выделяет С. И. Кормилов в своей монографии «Теоретические аспекты историзма» (1986), акцентируя момент, что история в исторической прозе репрезентируется двояко: как историчность и историзм. Под историзмом ученый подразумевает художественную «связь времен», отражающую закономерность и целостность исторического процесса. Как принцип художественного освоения действительности рассматривает дефиницию А. Г. Баканов: «принцип историзма означает изображение общественной жизни и индивидуального бытия людей в их определенности временем».⁷ Н. Н. Старикова (2006) дополняет этот тезис, предлагая учитывать еще один аспект – психологический, когда мышление индивида ушедших эпох не тождественно психологии современного человека. В. А. Бигуаа (2003) видит суть художественного историзма в раскрытии литературой смысла исторических событий, судьбы человека, его характера и психологии. Т. Е. Комаровская (2004) утверждает, что обязательным должно быть изображение прошлого как динамического процесса, в его связях с настоящим и будущим. Таким образом, историзм в романе понимается как принцип отображения прошлого, предстающего в движении, и развивающегося в соответствии с объективными историческими условиями, «восстанавливающим целостность истории в индивидуальной человеческой судьбе».⁸ Но, как отмечают исследователи исторического жанра,

⁷Баканов А.Г. Современный зарубежный исторический роман. С. 28.

⁸Юсуфов Р.Ф. Историсофия и литературный процесс: Средние века и Новое время. М.:Наследие,1996. С. 209.

развивающегося в лоне постмодернизма, восприятие прошлого у авторов историографического метаромана (термин Ю. С. Райнеке), начинает меняться. Отмечая эти новации в понимании исторического процесса, Д. С. Спиридонов выделяет еще один аспект историзма – эстетический, или «чувственный»(2009). Подобные поэтологические новации рассмотрены в диссертациях Е. В. Колодинской (2004), Д. А. Марковой (2004) и др. Анализируя романы, содержательно соотносящиеся с прошлым, они подтверждают замечание М. Липовецкого о проецировании релятивности постмодернистского сознания на восприятие прошлого.

На наш взгляд, этот обширный пласт исторической прозы в рамках жанровых границ удерживает концептуальная хронотопическая модель исторического произведения. В отличие от других разновидностей романной парадигмы концептуальный жанрообразующий хронотоп обладает дуальным характером, включающим внетекстовый хронотоп произведения и его внутренний пространственно-временной континуум. Хронотопическая модель исторического произведения инкорпорирует в себя обязательное завершение фабульного исторического события, уже отрефлектированного в общественном сознании, поэтому представляется возможным вычленение в жанрообразующей модели исторического произведения сверхфабульного хронотопа.

Эта грань хронотопической модели исторического романа состоит в тесных взаимоотношениях с хронотопом писателя, его индивидуальными историософскими мыслями, т.е. авторским тезаурусом.

В разделе 1.3. «Сюжет и образная система в структуре исторического романа» структурные элементы жанра рассматриваются на уровне жанрообразования, дающего возможность выявления типологического сходства и расхождений. В теории литературы, несмотря на разность подходов к вопросам сюжетосложения, существуют две основные схемы построения сюжета (О. М. Фрейденберг, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, В. В. Кожинов). Наличие сверхфабульного хронотопа указывает на более жесткую структурную сращенность

сюжета и фабулы, что характерно именно для исторического жанра. Исторические произведения отличает глубокая взаимосвязь внутреннего конфликта с внешней сюжетной коллизией. Влияние предзаданного сверхфабульного хронотопа (устойчивого элемента жанровой модели), необходимость придерживаться устоявшегося в культурной памяти исторического событийного ряда, позволяет только на следующем, жанрообразующем уровне, различать, как отображают историческую реальность и подходят к построению сюжета авторы в соответствии с индивидуальными интенциями. Персонажная система, являющаяся одной из сторон композиционной структуры, служит раскрытию идейно-тематического содержания произведения. На наш взгляд, внимание к ключевому конфликту, составляющему структурную основу произведения, позволяет определять жанровую специфику исторических романов. Именно конфликт предопределяет особенности системы персонажей и принципы композиционного построения.

Вторая глава «Доминантные компоненты в структуре исторических романов «По велению Чингисхана» Н. Лугинова и «Жестокий век» И. Калашникова: нарративное оформление авторского присутствия» включает два раздела, в которых дается анализ проявления доминантных особенностей внутрижанровых модификаций исторического романа через призму авторского тезауруса и авторского знака – эпитафия.

В разделе 2.1. «Выражение авторской тезаурусной модели в исторических романах» выявляется влияние индивидуального авторского тезауруса на художественное воплощение сверхфабульной основы, известного исторического события. Авторская концепция исторических событий во многом определяется личной и творческой биографией писателя, временем написания художественного произведения, всем тем, что мы включаем в структуру внетекстового хронотопа исторического романа. О связи доминирующей в обществе культурной картины мира и идеологических воззрений писателя говорят Вал. и Вл. Луковы (2009), подобного мнения также придерживается И. П. Смирнов, отмечающий

двустороннюю референциальность литературы, когда писатель воспроизводит «кроме избранной им схемы жанра, и свою личную историю».⁹

Социокультурная ситуация, наблюдаемая с конца 1960-х г.г. до начала 80-х гг. XX века, времени появления романа «Жестокий век», отмечена затяжным кризисом главенствующей социально-политической системы, когда, по мнению Б. В. Дубина (2003), актуализируются неофициальные гуманистические ценности. Эта тенденция представлена в художественной ткани романа, когда в авторской трактовке образа известной исторической личности нравственные, моральные установки выводятся на первый план. Исторический тезаурус писателя во многом соотносится и определен влиянием социальной, культурологической системы взглядов общества, характерной для второй половины XX века.

И. Калашников придает своему герою черты «сверхчеловека», для которого человеческая жизнь не самоценность, а лишь препятствие к намеченной цели. И отбросив эту главную ценность, степной правитель тем самым совершает предательство по отношению к самому себе, убив в себе живого человека.

Историческая концепция Н. Лугинова формируется в 90-е годы XX века, в период рубежности, социокультурного слома, когда происходит размывание прежних духовных, нравственных границ. По мнению исследователей, это вызывает обращение к мифопоэтической основе, к народным поэтическим ресурсам. В разработке проблематики романа Лугинов продолжает традиции эстетического освоения действительности, заложенные основоположниками якутской литературы А. Е. Кулаковским, Н. Д. Неустроевым, П. А. Ойунским, в творчестве которых определяющее значение имеют традиции народного эпоса. Этноментальные понятия «терпение», «толерантность», «взаимовыручка», «ответственность перед семьей, родом» находят развитие в историческом произведении, этот момент отмечает А. Н. Мыреева, говоря о «важности этногенетического аспекта».¹⁰ Чингисхан в

⁹Смирнов И. П. Олитературное время. (Гипо) теория литературных жанров. СПб.: Изд-во РГХА, 2008. С. 53.

¹⁰Мыреева А.Н. Якутский роман 70-90-х гг. XX века. Новосибирск: Наука, 2014. С. 89.

интерпретации Н. Лугинова исполнил свое предназначение – установление нового уклада, сплачивающего разные племена и народы.

Идеологическая основа историософской концепции Н. Лугинова проявляется и как особая авторская позиция в осмыслении «вечных» экзистенциальных исканий человека – в вопросах понимания истинной и мнимой свободы, о месте человека в истории, о соотношении в системе «человек-мир». Эпический мотив, заложенный в «Сокровенном сказании монголов», где повествуется о божественном, сверхъестественном происхождении Чингисхана, родившегося со сгустком крови в кулаке, приобретает разную интерпретацию у художников. И. Калашников разворачивает данный мотив в тупиковую идею «сверхчеловека», более присущую западному мировоззрению с его акцентированием на индивидуалистическом. В романе «По велению Чингисхана» предводитель монголов предстает как правитель, обладающий выдающимися способностями, выделяющими его на фоне современников. И выделенность монгольского хана, по мнению автора, в правильном осознании своего жизненного пути, следовании своей предопределенности. Рассмотрение авторского тезауруса, включаемого нами в структуру внетекстового хронотопа, свидетельствует о его влиянии на художественное осмысление исторических событий, наполнение своеобразного исторического кода различным концептуальным содержанием.

В разделе 2.2. «Семиотика эпиграфических комплексов в исторических романах» раскрывается роль эпиграфов как хронологических индикаторов в произведениях, отражающих тему прошлого. Содержательный аспект историчности должен найти адекватное воплощение при встрече взаимосвязанных хронотопов автора и читателя. Опознавательную функцию сверхфабульного хронотопа в классическом варианте исторического романа играла историческая справка. Идентичную роль в произведениях, освещающих события и факты ушедших дней, выполняют обязательные исторические маркеры или иконические знаки - известные исторические имена, культурные артефакты.

Эпиграфы в структуре исторического романа И. Калашникова «Жестокий век», в какой-то мере, несут на себе функцию хронологических маркеров, давая читателю предварительную хронологическую ориентировку. Анализ этих структурных элементов «Жестокого века» говорит об определенном притяжении между точками зрения, выраженными в эпиграфах и авторском тексте. И эта однонаправленность, правда, представленная двуголосием, образно подчеркивает основную проблематику исторического романа И. Калашникова, которая находится в нравственно-моральной плоскости эстетического целого.

В романе «По велению Чингисхана» роль эпиграфов шире. Они предпосланы каждой части исторической трилогии, предваряют каждую главу этих книг: в 1 книге их – 22, во 2 части – 24 эпиграфа, а в заключительной книге – 30. Тем самым, мы можем отметить, что эпиграфы играют роль «текста в тексте». Их отличает этимологическая разнородность: сюда входят прозаические отрывки и стихотворные тексты. Основной мотив романа – стремление к единению, и эпиграф к 1 книге, взятый из эпического наследия якутов *«Пусть свершится по установке Одун-Бииса, Пусть будет по велению Чингисхана, Пусть выйдет по решению Джылга-тойона, Что там наша воля? Что там наше желание?»* организует поэтику всего произведения. Эпиграфы-отрывки из сочинения П. Карпини, историографических документов играют роль исторического комментария и указывают на сверхфабульный хронотоп. Эпиграфы-цитаты из научных трудов Б. Малиновского, К. Юнга высвечивают семантику текста, подчеркивая основные идейные авторские устремления. Семантика имени Чингисхана у Лугинова наполняется мифическим содержанием, но его «божественное» происхождение находит разъяснение в эпиграфах-извлечениях из трудов Л. Гумилева, посвященных теории пассионарности. Строки из восточных трактатов «Дао дэ Цзин», «Книги Ле-цзы» придают философскую глубину основному тексту и акцентируют внимание на духовных поисках персонажей. Эпиграфический комплекс в романе содержит в себе не только функцию уточнения или дополнения основного смысла исторического произведения, что характерно для романа «Жестокий век», но и в полной мере

отражает авторский взгляд на реальные исторические события, своеобразную квинтэссенцию основного авторского замысла. Комплекс эпитафий играет определенную роль в переоформлении устоявшейся в социальной памяти знаковой картины реальности, создавая параллельный основному знаковый текст.

Третья глава «Сюжетно-композиционное построение исторических романов» состоит из двух разделов, в которых рассматривается композиция сюжета исторических романов, особенности функционирования художественного хронотопа на сюжетно-композиционном уровне, система персонажей исторических произведений.

В разделе 3.1. «Поэтика сюжета исторического романа «По велению Чингисхана» Н. Лугинова и «Жестокий век» И. Калашникова анализируется взаимосвязь сверхфабульного и сюжетного хронотопов произведений.

Сверхфабульный хронотоп романов «По велению Чингисхана» и «Жестокий век» соотносится с единым фактографическим источником – «Сокровенным сказанием монголов», написанным анонимным автором. Время средневековой хроники - это время календарное, следующее строгой логике, рассказывающее о рождении героя, его подвигах, главных жизненных перипетиях и смерти. Но предзаданный хронотоп получает различное сюжетное завершение у Н. Лугинова и И. Калашникова. Структура сюжета произведения якутского прозаика тесно связана с мотивом «тайны», что характерно для традиции классического исторического романа. Внешний, историко-приключенческий, сюжет трилогии разрабатывает легендарную версию якутов об их южном происхождении, о предке северных тюрков – Эллэе. Второй сюжетный слой, по авторской интенции, ставит перед читателем тайну необъяснимого возвышения монгольских племен и объединения вокруг них огромных территорий и разных народов. Вопросы государственного устройства, власти нового закона, Ясака, переходят в развитие другого сюжетного конфликта – к философской проблематике, к тайне человеческого бытия, поискам истины.

В организации сюжетно-композиционного построения романа «По велению Чингисхана» применяется циклическая схема, внутри которой развивается кумулятивный сюжет, отражающий сверхфабульный хронотоп. Циклическое обрамление историческому произведению придают вставные легенды и притчи, начинающие и заканчивающие все три книги исторического романа. Помимо функции семантических узлов произведения вставные части значительно расширяют хронотопическую структуру романа, выводя собственно исторический сюжет на более глубокий экзистенциальный уровень.

В произведении И. Калашникова наблюдается иная реализация сюжетно-композиционного построения. Писатель предлагает свой взгляд на исторические события далеких лет, свою трактовку возвышения и доминирования империи Чингисхана. Сюжетная линия главного героя детерминирована социальными, экономическими условиями его существования. Будущий хан не является жестоким правителем от рождения. В детстве, юности ему доступны обычные человеческие устремления и желания. Жестокие условия выживания сильнейшего ломают этические устои юного хана, формируя в нем нравственные установки беспощадного владыки. Мотивный комплекс страха, которым одержим сперва ребенок Тэмуджин, рано оставшийся без поддержки отца и испытывающий гонения со стороны ближайших родственников, а затем и всесильный правитель, играет главенствующую роль в романе. Внутривроманный хронотоп «Жестокое время» несет черты линейного, биографического, календарного времени. Таким образом, анализ сюжетных хронотопов произведений, их композиционное построение, несмотря на общий сверхфабульный хронотоп, свидетельствует о реализации различных жанровых стратегий в романах.

В разделе 3.2. «Персонажная система исторических романов «По велению Чингисхана» и «Жестокое время» проведен анализ антропонимической галереи произведений, включающей как реальных исторических лиц, так и вымышленных персонажей романа.

В историческом романе И. Калашникова доминирующим конфликтом является трансформация духовных и моральных качеств человека в условиях тотального противостояния враждебному ему миру. В соответствии с идейной авторской позицией выстраивается система персонажей. В ее основе лежит равноценный четырехугольник основных героев, состоящий из пары подвижных, по терминологии Ю. М. Лотмана¹¹, в психологическом плане образов Чингисхана и Чиледу и персонажей, психологически не развивающихся, шамана Тэб-тэнгри и простого монгола Тайчу-Кури. Чингисхан и Чиледу занимают в структуре романа бинарную оппозицию и самим развитием индивидуальных характеров выражают присущую именно роману диалогическую сущность.

Чингисхан и Чиледу, как подвижные персонажи устремлены к разрешению романной ситуации. Чингисхан стремится к силе, которая должна дать ему чувство личной безопасности, спокойствия всего племени. Помощником Чингисхана в обретении силы выступает шаман Тэб-тэнгри, направляющий помыслы монгольского хана. Тэб-тэнгри – неподвижный персонаж, тесно взаимодействующий с главным героем. Сюжетная и композиционная функция и роль шамана заключаются в показе развития характера Чингисхана, в трансформации его этических взглядов. Именно шаман опосредованно подталкивает Тэмуджина к признанию силы, насилия как необходимости, и тем самым действует как помощник, сюжетная функция которого заключается в создании романых ситуаций, в разрешении которых находит развитие характер главного героя. В другой паре именно Тайчу-Кури, родившийся в один день с великим ханом, заявлен как представитель добра и носитель покоя. Встреча с ним и его семьей помогает Чиледу пережить духовное изменение. Через череду романых ситуаций он отказывается от ненависти, мести и приходит к пониманию, что в жестокий век есть место добру и человеческому состраданию.

Образная система исторического произведения Н. Лугинова испытывает влияние мифопоэтического мышления, фольклорной поэтики. В расстановке,

¹¹Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство - СПб., 1998. С. 233.

соподчиненности, соположении, и в раскрытии характеров главных героев романа «По велению Чингисхана» ярко проявляется национальный колорит исторического произведения, указывает на этноэстетическую основу художественного видения автора.

Женские образы – легендарной Алан-Куо и Ожулун – являются проявлением архетипа матери. Их отличающее качество, стремление к единству, унаследовал Чингисхан. С этими женскими образами неразрывно связаны основные мотивы романа: предопределенность судьбы Чингисхана и стремление к сплочению.

Бинарная логика, присущая мифопоэтическому мышлению, в произведении представлена оппозицией основных героев: великий хан и его своеобразный двойник – названный брат Джамуха. В центральном образе Чингисхана можно наблюдать проявление солярного мифа, насыщенного элементами, связанными с мистикой творца. Солярный герой наделен функцией «спасения» мира, его переустройства. Автор не оспаривает «божественное» происхождение главного героя, запечатленное в исторической хронике «Сокровенное сказание монголов», но наполняет ее другим смыслом: семантикой исключительности военного и государственного мышления Чингисхана, который сумел создать обширную степную империю. Выделенность Тэмучина среди других ханов и правителей для художника также проявляется и в желании монгольского предводителя мыслить, искать свой путь. И эта противопоставленность выражается через сопоставление личности Чингисхана с образами других владык. Образы некогда всемогущих повелителей несут функцию придания фигуре Чингисхана исключительности.

Художественная реализация двух вариантов жизненного пути основных героев в романе Н. Лугинова представляет собой своеобразное воплощение «близнечного» архетипа, когда герои идентичны между собой по происхождению, личностным качествам и только их собственный выбор приводит к логичному завершению сюжетной линии.

В художественном произведении наличествует композиционный прием, призванный эстетически претворить историческую концепцию автора. Первая часть

трилогии в большей мере направлена на психологическое раскрытие характера Чингисхана посредством введения в художественную ткань произведения его мыслей, снов, характеризующих внутренний мир героя. Для детального погружения в психологическое пространство Чингисхана автор широко использует сюжетную акцентуацию на внутреннем хронотопе главного героя.

Сюжетно-композиционное построение второй книги романа Н. Лугинова характеризуется более пристальным вниманием и более углубленным раскрытием образа двойника Чингисхана – Джамухи, чья жизнь без обязательств иногда вызывает легкую зависть у великого хана, находящегося под гнетом государственных забот. Такое зеркальное построение произведения несет на себе более глубокое, утонченное погружение и трансформацию «близнечного» архетипа в романе на уровне персонажей, когда художественный образ Джамухи, олицетворяет собой «старое», а Чингисхан – представлен в качестве проводника «нового» уклада для степной государственности.

Чингисхан – активный герой, который берется за кардинальное изменение старых племенных традиций и родовых устоев, тормозящих дальнейшее развитие устоявшегося жизненного уклада; с «чужим» для него миром. Он вступает в эту борьбу по своей воле, изначально укорененной в его природе, и маркирующей его принадлежность к солярному культу.

В развитии образа Джамухи, наоборот, присутствует явный комплекс вегетативных мотивов: смерть и «новая» жизнь, «воскресение». Фабульная канва и сюжетное развитие линии Джамухи в романе демонстрируют событийное совпадение со сверхфабульным хронотопом «Сокровенного сказания монголов» - Джамуха принимает смерть, он отказывается от жизни, дарованной ему Чингисханом. Физическая смерть побратима Чингисхана продолжается его вегетацией на ином уровне, «возрождением», новую жизнь получают его песни, не забытые и любимые народом.

Образы легендарных Бодончора и Илдэгиса, сфокусированные во вставных притчах, выполняют сюжетно-композиционную функцию семантических узлов

исторического произведения, из которых, как из клубка разворачивается мотивная система романа. Сюжетное развитие их жизни, вбирает в себя последующее художественное преломление сюжетных линий Чингисхана и «своего другого» Джамухи.

Бодончор является прародителем знаменитого монгольского хана, именно через его образ даны наметки всего проблемно-тематического комплекса исторического произведения «По велению Чингисхана». Это и понимание необходимости объединения, к которому приходит молодой одинокий, незащитный, оставленный своими братьями Бодончор; став уже зрелым, мудрым правителем легендарный предок Чингисхана сталкивается с проблемой ответственности перед своим народом, с опасностью отрыва от реальной действительности, подстерегающей любого хана, попадающего под влияние своего близкого окружения. В сюжетном развитии образа Бодончора можно увидеть последующее преломление жизненных путей Джамухи, который олицетворяет молодого, дерзкого Бодончора, тоже решившего выбрать личную, индивидуальную независимость, и Чингисхана, в чьем облике, мыслях проглядывает уже зрелый Бодончор, отягощенный нелегким грузом ответственности.

Аналогичную роль выполняют в повествовательной структуре произведения вставные новеллы об Илдэгисе, арранском правителе, упоминания о котором не встречаются в историографическом тексте. По авторской версии, маленький Илдэгис бежал из родных степей от нищеты и опасностей, безраздельно царивших там, в надежде заслужить на чужбине почет и богатство. В этом своем стремлении к личной славе, служении только своим индивидуальным потребностям и желаниям, которыми одержим юный Илдэгис, мы можем узнать психологические черты Джамухи, для которого доминирование индивидуальных интересов является неоспоримым условием. Таким образом, основной конфликтный материал вызывает различное художественное оформление системы персонажей и сюжетно-композиционного завершения произведений.

В заключении обобщаются результаты проделанного исследования, формулируются основные выводы. Историзм в его «чувственном» проявлении находит художественное отражение на уровне жанроформирующих факторов. Именно этот уровень жанровой модели дает определенную возможность проводить жанровое разграничение произведений, основывающееся на дихотомии познаваемость – непознаваемость прошлого. В жанровой целостности исторического романа концептуальный хронотоп, характерный только для этой жанровой разновидности романной парадигмы тоже выделяется на уровне жанроформирования. Этот пространственно-временной комплекс обладает дуальным характером, инкорпорирующим внетекстовый и сюжетный хронотопы. Их предварительное разграничение позволяет проводить сравнительную типологию произведений, повествующих о прошлом. Внутрижанровые доминанты «историзм» и «хронотоп» характеризуются как устойчивые компоненты жанровой модели исторического романа.

Авторский тезаурус, включаемый в структуру внетекстового хронотопа, испытывает опосредованное влияние этноэстетических воззрений писателей и социокультурных условий времени возникновения художественных произведений. От индивидуальных взглядов писателей на исторические события и факты зависит выбор ими проблемно-тематического круга вопросов, художественного конфликтного материала.

В результате сравнительно-типологического анализа произведений Н. Лугинова и И. Калашникова устанавливается, что их можно отнести в сегмент исторической романистики, основывающийся на принципе «объективного» историзма. При этом в структуре произведений обнаруживаются значительные различия в организации сюжетного хронотопа, композиционного построения романов. В романе Н. Лугинова своеобразие эпиграфического комплекса, расширяющего хронотоп произведения, отражает авторский взгляд на исторические события. Предзаданные исторические коллизии автор наполняет философской проблематикой, постановкой экзистенциальных вопросов, разрешением которых

заняты основные персонажи. Историческому произведению Н. Лугинова в большей мере присущи черты историко-философского романа, характеризующегося некоторой незавершенностью основного художественного конфликта, широким использованием условных художественных форм, тяготением к притчевости. Мифопоэтическая основа оказывает существенное влияние на компоновку внутренних элементов романной структуры. Подводя итог, отметим, что представленная Н. Лугиновым самобытная форма национального исторического романа дает широкие перспективы для дальнейшего развития жанров в якутской литературе.

Основные положения диссертационного исследования изложены в 8 следующих публикациях, три из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК.

1. Баишева, А. М. Хронотопическая модель исторического романа в семиотическом аспекте / А. М. Баишева // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2014. – №5 (35). – Ч.1. – С. 30-34.

2. Баишева, А. М. Мифопоэтическое мышление и организация персонажной системы исторического романа Н. Лугинова «По велению Чингисхана» / А. М. Баишева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, ООО «Издательский Дом-Юг», 2014. – №4. – С. 383 - 387.

3. Баишева, А. М. Семиотика эпиграфического комплекса в историческом романе Н. Лугинова «По велению Чингисхана» / А. М. Баишева // European social science journal. – Москва: Междунар.исслед.ин-т, 2014. – №6(45). – Т.3. – С. 187-192.

В других изданиях:

4. Баишева, А. М. Авторская концепция в якутской исторической литературе / А. М. Баишева // Русское слово и словесность в Республике Саха (Якутия): в 2 ч. – Якутск: Филиал изд-ва ЯГУ, 2007. – С. 39-41.

5. Баишева, А. М. Поэтика дифференциального моделирования исторической действительности в ретроспективной прозе / А. М. Баишева // Гуманитарные науки в начале XXI века: межвуз. сб. науч.ст.– Якутск: СГПА, 2006. – Вып. 2. – С. 41- 44.

6. Баишева, А. М. Ментальные особенности в поэтике якутской исторической романистики (на примере романа Н. Лугинова) /А. М. Баишева // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч.ст. – Москва: МГПУ, 2007. – Вып.6. – Т.1. – С. 40 - 43.

7. Баишева, А. М. Роль мифопоэтических конструкций в жанре исторического романа / А. М. Баишева // Актуальные вопросы филологических наук. – Чита: Молодой ученый, 2011. – С. 6-9.

8. Баишева, А. М. Проявление этноэстетического тезауруса в структуре исторического романа Н. Лугинова «По велению Чингисхана» /А. М. Баишева // Единство многообразия. Литература Якутии в контексте диалога культур. – Якутск, 2015. – С. 169-173.